

Сумской государственной педагогический
университет имени А. С. Макаренко

ОТ МИРА ХРИСТИАНСКОГО К МИРУ СЕКУЛЯРНОМУ

Было немало условий, факторов, причин, обусловивших уход христианства на периферию культурной жизни Европы. В ряду таковых автор выделяет всегдашнее здоровое языческое отношение к жизни у народных масс, «реставрацию» язычества в эпоху Возрождения и просветительство гуманистов, неорганичность иудейско-христианского «имплантанта» в ведическо-православном теле славян, мировоззренческие и этические установки евреев в Ветхом Завете, христианский аскетизм, современное секулярное движение в мире.

Ключевые слова: христианство, язычество, Ведическое православие, хозары, иудеи, Иисус Христос, Ветхий Завет, аскеза, гуманисты, секуляризация.

Недоверие к «единственно истинному вероучению» наметилось в Средние века. В последующие времена оно привело к неприятию христианства образованной и здравомыслящей частью человечества. Мифический ореол истории о Рае, о грехопадении Адама, о великом Потопе, об Исходе из Египта, о непорочном зачатии Мессии, о его чудесах, о его воскресении и вознесении, о его скором возвращении в качестве Судьи Вселенной не может вызвать симпатии у современного образованного человека, который скорее согласится с З. Фрейдом («Будущее одной иллюзии») в том, что религия есть вид массового безумства, что религия есть «невротический пережиток» детства человечества со всеми ее иллюзорными обещаниями и абсолютно «непсихологическими» этическими предписаниями [5, с. 192]. Да и малообразованные массы, согласимся с Ж. Бодрийяром, никогда не были затронуты ни идеей Божественного (они приняли во внимание только образ Бога, но никак не идею, которая осталась предметом заботы клириков), ни проблемами греха и личного спасения. Их привлекали феерии мучеников и святых, феерии страшного суда и пляски смерти, чудеса, церковные театрализованные представления и церемониал, имманентность ритуального вопреки трансцендентности идеи. Они всегда были язычниками, ими и остались, никак не тревожимые мыслями о Высшей Инстанции и довольствуясь иконами, суевериями и Дьяволом. Это, пожалуй, практика падения, по сравнению с духовным возвышением в вере, плоской своей ритуальностью разрушающая категорический императив высшего смысла. (Не будем обольщаться на счет христианской религиозности народных масс. – В. К.). Они непрочь умереть за веру, – за

святое дело, за идола. Но трансцендентность и связанное с ней напряженное ожидание, терпение, аскезу (как путь самосовершенствования) – то высокое, с чего начинается религия – они не признают. Царство Божие для масс всегда уже заранее существовало здесь, на земле – в милой сердцу языческой имманентности икон, в спектакле, который устроила из него церковь. Массы растворили религию в переживании чудес и представлений – это единственный их религиозный опыт [1, с. 23]. Запредельность образа христианского Бога и идеалов для них недостижима.

Для масс издревле близка и органична жизнь обычная – жизнь телесная. Извечное, неизбывное влечение людей к вполне обыденной жизни концентрированно сформулировано меланхолически мудрым библейским Экклезиастом, царившим над народом Израиля в Иерусалиме: «Одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы» – все отходят к умершим и память о них предается забвению. И потому пусты всякие упования на предполагаемые воздаяния. Пока жив человек, он надеется, «так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Экк. 9: 2–5). Это значит, что изначально важна только эта, земная, плотская, телесно полная жизнь, порождающая саму себя, с ее питанием и производством на свет потомства. И пока существует мир, именно такая жизнь будет первичной потребностью людей, атрибуты которой суть свойства «семени жизни». А потому «наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни своей, и которую тебе дал Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем» (Экк. 9: 9).

Наивны и упования на пришествие Царства Божия. В последний приход Иисуса с учениками в Иерусалим надежды народа на пришествие Царства Божия становились все восторженнее. Уверенность в близящемся конце этого мира и начале Царства Божия были так велики, что возникали споры из-за первенства в этом царстве (Лук. 22: 24 и след.). Такое экстатическое ожидание Царства Божия можно назвать массовым психозом. Можно и посочувствовать первым адептам новой религии, пожалеть их, так как создавать подобные мечты, говорит Леметр, могли лишь глубоко несчастные люди.

Много способствовали уходу от христианского мировоззрения гуманисты эпохи Возрождения, которые издали массу антицерковной литературы. Они – всезнающие библиофилы и книгочеи – знали также, что откровения Иисуса Христа не были оригинальными. Античным языческим мыслителям были известны те «божественные истины», которые спустя столетия изрек Учитель. Гуманист Шекспир, воспитанный культурой Ренессанса и тяготеющий к язычеству, говорит о человеке как в христиански смиренных уничижительных тонах («квинтэссенция праха»),

так и устами Гамлета язычески – восторженно («... Краса Вселенной! Венец всего живущего!»). Неприемлемым для гуманистов был и тотальный сервилизм перед волей Божьей («на все Его воля»). Правители-тираны существуют-де благодаря попустительству Божьему, как и «добрые» короли. В одном случае – это бич Божий, ниспосланный народу за грехи, в другом – благодать. Восстать против тирана – значит восстать против неисповедимой воли Божьей.

Косвенно укрепляют секулярное мировоззрение также многие, опубликованные в последние годы, христофобские и юдофобские тексты, в которых подвергаются сомнению, критике и отторжению веками складывавшиеся христианские стереотипы. Оспаривается, например, авторство самого Иисуса Христа как основателя христианства. Снимается с него ореол пиетета. Ради вхождения в Царство Небесное Иисус Христос советует мужчинам самокастрацию (Авдеев В. Б. в книге «Преодоление христианства» пишет, что у Иисуса Христа были отклонения в психике. Об этом же можно прочесть у В. П. Осипова, Эрнеста Ренана, Альберта Ревия и др.). Озадачивает и крайний эгоцентризм, если не солипсизм Учителя: «Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего и матери своей, жены и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лук. 14: 26). Вместе с тем были небезуспешные попытки оторвать Иисуса Христа от земли, полностью вознести его на небо. Так, в пятом веке в Египте, вопреки решениям Халкендонского Собора, официальным направлением в христианской религии стала «монофизитская ересь» – учение о единой божественной природе Христа. Монофизиты стали считать Христа уже не Богочеловеком, а Богом, имеющим лишь внешний человеческий облик. Эта ересь закрепились в эфиопской и армянской церквях.

Иудейское православие так чуждается привнесения в религию «обыкновенного», всего земного да телесного, что Богоматерь и «до рождения», и «во время самого рождения», и «после рождения Спасителя» осталась девою (хотя в Евангелии сказано, что она принесла в храм двух горлинок, что делалось еврейками по окончании женского послеродового очищения). Православие враждебно относится ко всему радостному, земному. Церковь не допускает самого слова «любовь», боится и презирает плотское чувство. Свет младенца, радости родительские, теплота своего угла, поэзия родного крова – все это непонятные русскому православию слова, все это недопустимые с церковной точки зрения понятия [8, с. 299–301], пахнувшие «плотью», чуждые «агапе» – христианскому томлению по высшим, трансцендентным ценностям.

Христианство в том виде, какое мы имеем сегодня, пишет С. Н. Сва, – это, скорее, не учение Иисуса Христа, а «самозванца» апостола Павла, который никогда не видел Иисуса, не был его учеником изначально, убивал его первых последователей. Христианство – это религия смерти: все рождаются во грехе, но умирают в святости, навязывается вера в

возможность вечной жизни на «том свете» после смерти. Это абсурд. (Но: «Верую, ибо абсурдно», – Тертуллиан). После смерти нет такой жизни, как в нашем прекрасном цветущем явном Мире [10; 7, с. 11].

От Иисуса ли берет начало навязанное славянам иудейское христианство? – задается вопросом С. Н. Сва. Не он, а иудеи направили свои проповеди против народов Севера, дабы уличить их в несуществующих грехах: родился от родных отца и матери – уже в грехе, спишь со своей женой – уже грешный. А коль грешный, то достойный поношений посредством матерной ругани, оскверняющей те части нашего тела и те действия, которые зарождают новую жизнь. Христианство – религия смерти – научило нас проклинать начало зарождения нашей же жизни. Мат разрушает нашу духовность, будучи самопроклятием начала сотворения новой жизни. Матерную ругань привили нам хазары, они же «казары», которые трансформировались в «казаки». Казаков всегда использовали как наемные войска, которых хазары одевали в свои одежды – турецкие штаны, кафтан, пояс, дав им изогнутую саблю (как месяц, символ ночи), серьгу в ухо, татуировки, обстригли налысо и научили матерно ругаться. Серьга в ухо – это, по Библии (Исход 21: 8), добровольный пожизненный раб иудейский. Первые казаки были не славяне, а византизированные и христианизированные турки [10, с. 60]. На картине И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», как считает С. Н. Сва, изображены не славяне. К славянам здесь можно отнести писаря и двух казаков, стоящих слева. Один – с перевязанной головой, другой – в шапке. У атамана с голым торсом сзади висит пороховница, на ней изображена шестигранная звезда Давида, это родной хазарский символ («Щит Давида»). Карта тогдашнего хазарского каганата – это нынешняя Украина, часть Курской и Белгородской областей, Дон, Ставропольский край, Поволжье. Православный (дохристианский. – В. К.) народ тоже ругался, но проклиная смерть, болезни, инородцев, нечистую силу, потусторонний мир (но не зарождение новой жизни. – В. К.), что укрепляло их жизнь [10, с. 53–54].

До крещения православной Руси, читаем у В. Н. Корчагина, народ ее был вольный, любой простой человек мог обратиться к князю на «ты», потому что князья были кровью связаны с народом, а души умерших присоединялись к духам рода, чтобы «жить в богах». До крещения русские были православными, потому что славили своих богов. Иудейское христианство «позаимствовало» это название, обмануло русских, уничтожило их языческих богов, присвоило себе «православие», чтобы «быть с народом», который можно теперь теснить и тихой сапою, и открыто, согласно заповедям еврейского бога, да часто и чужими руками. Иудеи уничтожили русских богов руками Владимира, сына великого князя Святослава и его ключницы иудейки Малуши. Владимир власть на Руси захватил, убив брата по отцу, великого князя Ярополка. Русско-славянская вера, народная нравственность, законы Прави не прощали умышленного

братоубийства. Но у Владимира была уже новая идейная опора своей власти – христианство, которое не отличается чистоплотностью (см. Ветхий Завет. – В. К.). В «Записке греческого тропарха» описано крещение Владимиром Белых Хорват, где он сделал «безлюдными более десяти городов, деревень же было совершенно разорено не менее пятисот». По данным некоторых летописей, он уничтожил также все капища и бесценные русские рукописи на бересте, пергаменте, дощечках, так что русские остались без дохристианской истории. (Евреи могли ликовать). Христианство – силой навязанная иудеями религия, враждебная русскому духу, пишет в своем заявлении Г. И. Тютюнкин в защиту В. Н. Корчагина. Русский народ лишился права жить по заветам своих предков [4, с. 73].

До принятия христианского православная Русь существовала как централизованное этнически однородное государство. Спустя же два века после насильственной христианизации оно уже было конгломератом враждующих между собой мелких княжеств, которые легко становились жертвой экспансий как с Запада, так и с Востока. Напрашивается параллель с гибелью Римской империи, привнесение вируса христианства для которой оказалось смертельным. Известно изречение великого князя Святослава: «Вера христианская уродство есть». И Владимир в свою языческую бытность на всякие еврейские увещания принять христианство отвечал настойчивым отказом, поясняя его тем, что будет осмеян дружиной. Но вот христианизация произошла, это был процесс, растянувшийся на века и сопровождавшийся умерщвлением язычников, староверов, всех несогласных с «истинной верой христовой».

Христианское Православие, читаем у В. Н. Корчагина, не органично русскому народу. Оно было силой навязано ему, дабы угнетать и обворовывать безгрешные православные народы, не получая отпора. (Ударили по одной щеке – подставь другую). Большинство книг Ветхого Завета, пишет депутат Госдумы А. М. Макашов, «дышат шовинизмом и фашизмом». В них обосновывается историческое право евреев на уничтожение других народов и на мировое господство [4, с. 24]. Напрашивается вопрос: зачем нам, славянам, такие христианско-иудейские учителя?

Приведем три цитаты из Библии. «Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исакову и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и колодезями, высеченными *из камня*, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которые ты не сажал, и будешь есть и насыщаться». (Второзаконие, 6: 10 – 11). «Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которой ты идешь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы... семь народов... И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их закланию, не вступай с ними в союз и не щади их» (Второзаконие, 7: 1 – 2). «И истребишь все

народы, которые Господь, Бог твой дает тебе; да не пощадит их глаз твой...»

(Второзаконие, 7:16).

Біблії, изданные в разное время, разнятся друг от друга силой заложенного в них заряда, на что обратил внимание А. Стриндберг в романе «Одинокый». В Библии печати XVII века, имевшейся у него, «долго копилась злоба и ненависть, ибо она только и знает, что изрыгать проклятия и призывать на чью-то голову кары небесные; сколько бы ни листал ее – всюду натыкался я на проклятия, которые Давид или Иеремия посылают врагам. Вот, к примеру, молится Иеремия: «Итак, предай сыновей их голоду и подвергни их мечу; да будут жены их бездетными и вдовами, а мужья их да будут поражены смертью», и так далее и в том же духе» [11, с. 586].

Не выглядят привлекательными бывшие экспортеры христианства на славянские земли, и иные земли, и в своих еврейских учениях Новейшего времени – марксизме, психоанализе и деконструкции, которые, отмечает В. Росман, более всех из учений потрясли мир в постпросвещенскую эпоху. (Учения же и вера от тех, кто нелюбим, сошлемся на Г.С. Сковороду, – отторгаются). Все три учения отличаются революционным характером и чрезвычайной бесцеремонностью, вмешиваясь во все сферы жизни. Марксист попытается объяснить любое явление – сколько угодно тонкое и интимное – классовыми противоречиями и предрассудками, психоаналитик найдет во всем – даже в самом возвышенном – сексуальный комплекс, а деконструктивист обнаружит в случайном образе метафору, порочащую целое культурное явление. Социальные маргиналы и прочие этнические и сексуальные меньшинства берут деконструкцию на вооружение в своей борьбе с «европейским каноном» в литературе, системе власти и образования [9, с. 57]. «Деконструкция, – пишет В. Росман, – является еврейским учением в гораздо более глубоком смысле, чем то полагают даже самые ее вольные и смелые еврейские толкователи, включая, конечно, и самого Дерриду» [9, с. 63].

Евреи первыми в Европе занялись финансовым посредничеством и ростовщичеством. В Новое время евреи окончательно закрепляют за собой посреднические функции, едва ли не во всех сферах жизни общества и государства. Они контролируют финансовую и правовую системы, систему коммуникаций, искусство. Искусными «посредниками» выступили евреи и в передаче своего христианства в X веке из Иудеи в славянские земли. А вот силовое внедрение восточного христианства в VII в Китае оказалось недолговременным и неудачным. Оно было «выбито» оттуда в позднем Средневековье.

Если в полемической литературе появляются на территории России публикации с правдой о «посреднической» деятельности евреев (как, например, книга В. Н. Корчагина), то их авторы тотчас привлекаются бдительными семитами (опекающими культуру, издательства, МСК) к

суду по обвинению в антисемитизме, наказуемом в соответствии со статьей Уголовного кодекса РФ. А посему, зачем нам, славянам, навязанное нам иудейское православие. (Это лейтмотив книги В. Н. Корчагина «Русские против юдократии». – М., 2006). Почему бы нам не обратиться к Ведическому Православию, а и того лучше – идти в ногу с секулярным цивилизованным миром.

Пересмотр всех ценностей в пору Высокого Ренессанса в области религии, философии, науки, искусства, политики укрепил скептическое отношение к христианству. Религии был решительно противопоставлен разум. Усилившиеся антицерковные мотивы в гуманизме Просвещения взывали к освобождению всех сфер общественной жизни из-под власти церкви и духовенства. Антиклерикально настроенные богатые «просвещенные буржуа и дворяне не прочь были превратить монастыри и аббатства в торговые склады и фабрики. Ученые и философы освобождались от диктата церкви. Хорошим тому примером служит ответ Пьера-Симона Лапласа (астронома, математика и физика) на вопрос Бонапарта о причинах отсутствия в его системе небесной механики Бога. «При построении теории солнечной системы, – ответил ученый, – я не нуждался в гипотезе о существовании Бога» [7, с. 261]. Но если Лаплас, будучи под императорской протекцией, оставался не наказанным за «безбожие», то Л. Фейербах за анонимно опубликованные «Мысли о смерти и бессмертии», в которых он выступил против веры в бессмертие души, был лишен преподавательских прав, и последние годы прожил в жестокой нужде. Главным делом его жизни стала борьба против религии. Диктат церкви ощущался и в начале XX века. В 1913 г. были внесены католической церковью в список запрещенных книг труды А. Бергсона.

Исторической правды ради следует сказать, что атеисты были и в древнем мире. Таковы, например, Анаксагор, получивший смертный приговор за столкновение философского разума с религиозной верой; Протагор, осужденный на смертную казнь за книгу «О богах», бежавший из Афин, его книга была публично сожжена; Ксенофан, Гераклит, Критий, Демокрит, (считавший загробную жизнь лживыми сказками); Эпикур (солидарный с Демокритом: богов создали страх и невежество, в мире нет ничего сверхъестественного). Учение Эпикура на протяжении веков было мощным катализатором атеистической мысли); Лукреций Кар (убежденный в том, что пятнание своих душ «гнусной религией» обрекает людей на жалкую жизнь; причина религии в скудости ума); Полибий (религия есть обман, чтобы держать в повиновении рабов и бедняков). Враждебно был настроен по отношению к христианству ученик Плотина Порфирий (234–305 гг. н.э.). Его трактат «Против христиан» был сожжен в 448 г.

Позже натиск христианской церкви проявился в ужасах крестовых походов и конкисты (осеяемой крестом католической церкви, которая алчно захватывала рудники, поместья и прочее в Чили, Парагвае и других

странах), в жестокостях смертельного противостояния католиков и протестантов (Варфоломеевская ночь и пр.), в сжигании еретических трактатов, еретиков и «ведьм», в извращении аскезы.

Христианство исказило и древний аскетизм как практику гармонизации человека с миром посредством телесных упражнений. Будучи проникнутым презрением к телу, к земным радостям, где правит «князь тьмы», христианство нашло средство как изгнать этого «князя» из человека, очистить его душу: это самоистязания, самобичевания, нанесение себе язв на теле и прочее, вплоть до оскотпления.

Негативное отношение к телу укрепляли в начале нашей эры неопифагорейцы, Филон Александрийский (локализовавший телесность на самом низком уровне иерархии бытия); Плотин (заявивший, что стыдится из-за того, что обладает телом); гностики (трактовавшие тело как лишний компонент, мешающий в приближении к Богу); теории послеапостольного периода, акцентировавшие идею спиритуалистического видения человека и делившие онтологию человека на «злое» тело и добрую «душу». Эта дуалистическая онтология стала непреодолимой антропологической парадигмой как для давних философов и богословов во главе с Фомой Аквинским, так и для многих современных христианских мыслителей. Те же библейские (евангельские и апостольские) записи, в которых человеческое тело представлялось в положительном свете, часто оставались в стороне. (Сам Ветхий Завет является апофеозом телесности, ибо указание на нее необходимо в акте творения человека и в то же время на ее божественный в генетическом смысле характер) [6, с. 50–53].

Христианский «телесный аскетизм» был проявлением христианского мракобесия, лишавшего людей радости жизни, угнетавшим человеческое достоинство, толкавшего к самопожертвованию в угоду трансцендентным силам. Такой, жизнь презирающий аскетизм, не мог быть принят просвещенной и здравомыслящей частью человечества в христианизированном мире, что также способствовало, начиная с Возрождения, если не раньше, секулярному направлению мыслей в европейском сознании.

Аскеза, отмечает О. С. Соина в «Этике самосовершенствования», имеет многие и противоречивые толкования. Происходит это слово от греческого *asketos* – тот, кто делает упражнения, развивающие тело и душу; а в целом «аскеза» – это «искусная и старательная обработка грубого материала», то есть культивирование, возделывание, совершенствование человека. В восточных культурах аскеза в целом – это путь к правильной и гармоничной жизни с природой. В греческой культуре, основанной на соревновательности, аскетизм больше интерпретировался как работа по физическому совершенствованию, а слово «аскет» обозначало атлетизм, соревновательность «атлетов – людей, ищущих путь к совершенству и выстраивающих идеальный образ себя» [2, с. 137]. Жизнеутверждающий и человекоосозидающий языческий греческий аскетизм был искажен в

християнстві аскетизмом життємертвляючим: колись все зло в людині виходить від бажань тіла, то тіло належить методично і суворо угнетати. При такій нелюбові до тіла всілякі спортивні заняття вважалися недостойними істинного християнина.

Процеси секуляризації охопили європейське суспільство, починаючи з Нового часу, і історичне християнство, і без того ослаблене Схизмою і Реформацією, в цілому втратило свою роль універсального світогляду. Християнство фактично «відкинуто» на периферію культурного життя Європи. Першим, по-видимому, сміливим і дерзким ще наприкінці XIX століття випадок проти християнства був зроблений Ф. Ніцше, висловивши світові в «Веселій науці» думку, що «Бог помер», і що віра в християнського Бога не заслуговує довіри. Багато сприяла «відмові віри в Бога» книга М. Гюйо «Іррелігійність майбутнього» (М., 1909), спрямована проти теоретиків, захищаючих «вічну необхідність релігії». Аналізуючи процес секуляризації, автор переконливо захищає думку про майбутнє торжество безрелігійного суспільства. Секуляризували суспільство також «Останнє випробування» і інші твори відомого грецького антихристиянського письменника Казандзакіса Нікоса (1885–1957). До кінця XX століття віра в Бога виявилася остаточно підірваною.

Дехристиянізуючою культурною силою сучасного мегасуспільства виступає потужне секулярне рухання, енергизуване міжнародними атеїстическими і гуманістическими асоціаціями, такими як Американська секулярна коаліція, Британська гуманістическа організація, Міжнародний атеїстический альянс і др. Все більше число людей приходять до розуміння того, пише Р. Докинз в своїй книжці «Бог як ілюзія» (М., 2008), що віра була основним джерелом насильства і страждання протягом всієї історії. Світ був би набагато краще без християнства. Накоплюючись протистояння християнської і ісламської цивілізацій нагнітає ненависть до носіїв іншої віри. На цій ненависті паразитують адепти Йогови, Христа, Аллаха. Битви на ім'я цих богів ідуть багато століть. Чому ці релігії смерті?

В кінці XX століття російськими вченими завершена розробка Єдиної теорії поля, якою доведено існування Світового Розуму, Сверхсвідомості, що було близько свідомості старослов'янського ведичества. Це нове знання про Мирозданні буде ґрунтуватися на названих космічних сверхкатегоріях, маючих силу все організовувати і упорядковувати в суспільстві людей. Засновані ж на ненависті і кровавих постулатах існуючі релігії (йудаїзм, християнство, іслам) повинні йти в історію. Іменно релігія, говорить Нобелівський лауреат Б. Рассел, є головним перешкодою на шляху цивілізації, і тільки унеможлививши це перешкоду, людство зможе бути щасливим.

Чтобы быть счастливым, интеллигентным, нравственным, вовсе не обязательно быть верующим. Потребности в духовности, утешении и вдохновении много больше могут удовлетворяться нерелигиозными средствами – философией, наукой, искусством. Религия, бесспорно, ассоциируется с духовностью. Но очевидно также, что мировоззренческие гуманистические представления, культурные ценности, сфера искусства, нравственные императивы существуют и вне собственно религиозного сознания, носителем и хранителем которого является церковь. Духовность воплощается далеко не только в религиозных взглядах. Она фокусируется прежде всего на смыслежизненных экзистенциальных проблемах человека, основывается на социальном бытии, воплощается в философских, эстетических и нравственных ценностях. Составляющие духовности: добродетельность, сердечность, любовь (любящий своих близких, влюбленный человек – духовен), забота и терпение, «мужество быть собой», труд нравственный, гармония с природой, обществом и самим собой, «благоговение перед жизнью», культура. Необходимо осознать, говорят атеисты, что эта жизнь – единственная. Чтобы она стала более драгоценной, нужно прозреть, сняв с глаз своих затмевающую иллюзорно-религиозную пелену, чтобы увидеть, что человек, и никто иной, является высшей сущностью. Поэтому убывание (и отсутствие) в наше время «религиозной страсти» не обязательно, как пророчат иные религиозные философы, должно вести к распаду личности.

Церковь стала неудержимо понижаться в своем уровне к началу XX века, что было обусловлено давним преобладанием в ней «посюстороннего», земного, возобладавшего в итоге над духовным. Церковь в значительной мере приспособилась к профанному миру, обмирщилась, пожертвовала нравственностью в пользу властных и имущественных интересов высшей иерархии, сервильности перед державой, церковного национализма [3, с. 53]. Религиозные темы занимают все меньшее место в жизни цивилизованного человечества. Христианство все более вырождается в форму приличия, которой украшают комфортабельную жизнь. Из отношения человека к Богу ушли качества «жизненной нужды, истовой потребности, экзистенциальной жажды» (С. С. Хоружий), и это означает не что иное, как переход к секулярному мировоззрению. Из христианства ушла энергетическая сила; от него для европейской цивилизации останутся на некоторое время лишь афоризмы да максимы, никак не затрагивающие современную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийар. Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург, 2000. – 102 с.

2. Ибрагимов М. М. Философия спорта как новый антропологический проект: монография / М. М. Ибрагимов. – К.: НУФВСУ, изд-во «Олимпийская литература», 2014. – 296 с.
3. Киселев Г. С. История и ее подобие / Г. С. Киселев // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 48–58.
4. Корчагин В. Н. Русские против юдократии / В. Н. Корчагин. – М.: Витязь, 2006. – 320 с.
5. Косяк В. А. Христианство в его коллизиях с иновериєм и невериєм / В. А. Косяк // Філософія науки: традиції та інновації. Науковий журнал. – № 2 (8). – Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2013. – С. 184–194.
6. Косевич Е. Человек и его тело в свете Ветхого и Нового завета / Е. Косевич // Философские науки. – 1992. – № 2. – С. 49–61.
7. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт / А. З. Манфред. – Сухуми: Алашара, 1989 – 680 с.
8. Розанов В. В. Религия. Философия. Культура / В. В. Розанов. – М.: Республика, 1992. – 399 с.
9. Россман В. Деконструкция деконструкции: метафизика присутствия в лучах звезды Давида / В. Россман // Вопросы философии. – 2001. – № 10. – С. 57–72.
10. Сва С. Н. Познание истины. Книга дохристианского православия. Высшая Духовная школа Ведического православия / С. Н. Сва. – К., 2010. – 62 с.
11. Стриндберг А. Красная комната. Слово безумца в свою защиту. Одинокий. Романы / А. Стриндберг. – М.: Правда, 1989. – 640 с.

РЕЗЮМЕ

Косяк В. А. Від світу християнського до світу секулярного.

Було чимало обставин, факторів, причин, що обумовили вихід християнства на периферію культурного життя Європи. У ряді таких автор виділяє повсякчасне здорове язичницьке ставлення до життя у народних мас, «реставрацію» язичництва в епоху Відродження і просвітництва гуманістів, неорганічність іудейсько-християнського «імплантанту» в ведично-православному тілі слов'ян, світоглядні та етичні установки євреїв у Старому Заповіті, християнський аскетизм, сучасний секулярний рух у світі.

Ключові слова: християнство, язичництво, Ведичне православ'я, хозари, іудеї, Ісус Христос, Старий Заповіт, аскеза, гуманісти, секуляризація.

SUMMARY

B. Kósyak. From christian world to secular world

There were a lot of conditions, factors, reasons for the withdrawal of Christianity to the periphery of the cultural life of Europe. Among those the

author highlights the continual healthy pagan attitude to life in the masses, "restoration" of paganism in the Renaissance and Enlightenment of humanists, the inorganic of Judeo-Christian "implant" in the Vedic-Orthodox Slavs body, philosophical and ethical attitudes of Jews in the Old Testament, the Christian asceticism, modern secular movement in the world.

Key words: *Christianity, paganism, Vedic orthodoxy, hozars, Jews, Jesus Christ, Old Testament, asceticism, humanists, secularization.*